

42461

2477

СЪ ЗАГРАНИЧНАГО ИЗДАНИЯ.

НИКОЛАЙ II

ПОСЛѢДНІЙ САМОДЕРЖЕЦЪ.

О Ч Е Р К И
ИЗЪ ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНІЯ.

Выпускъ II

Цѣна 50 коп.

П Е Т Р О Г Р А Д Ъ.
1917.

Въ концѣ 1913 года заграницей была издана на русскомъ языкѣ книга подѣ заглавіемъ:

„Послѣдній Самодержецъ“.

Въ книгѣ этой самымъ тщательнымъ образомъ были собраны всѣ матеріалы и документы, имѣющіе отношеніе къ исторіи царствованія Николая II.

Помимо исчерпывающей картины личной семейной жизни послѣдняго самодержца и его окружающихъ, книга эта даетъ яркое представленіе о той катастрофѣ, къ которой велъ Россію Николай II и его правительства.

Авторъ книги въ заключительной главѣ ея приходитъ къ неизбѣжному логическому выводу, что „Николай II своей политикой ведетъ Россію къ пропасти. Но въ эту пропасть упадетъ онъ—Николай II и вмѣстѣ съ нимъ рухнетъ навсегда самодержавіе. Россія же, сбросивъ съ себя иго самодержавія и Романовыхъ, выйдетъ на путь свободы и счастья“.

Книга эта была издана въ 1913 году. Сейчасъ въ наши дни это звучитъ великимъ пророчествомъ.

Вышла она въ свѣтъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ.

Черезъ нѣкоторое время послѣ появленія она исчезла съ книжнаго рынка. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ бывшее министерство императорскаго двора приняло тогда срочныя мѣры къ изыятію ея изъ продажи. Старанія эти увѣнчались успѣхомъ: пророческая книга исчезла.

Нынѣ мы имѣемъ возможность, пользуясь подлинникомъ этой сенсаціонной книги, предложить ее вниманію русскаго читателя.

**==== NB. Книжнымъ магазинамъ и продавцамъ
обычная скидка.**

ОТД. 1.

СОЧИНЕНИЯ

ГЛАВН. БИБЛИОТЕКИ.

№

42461

2477

СЪ ЗАГРАНИЧНАГО ИЗДАНІЯ.

НИКОЛАЙ II

ПОСЛѢДНІЙ САМОДЕРЖЕЦЪ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНІЯ.

ВЫПУСКЪ 2.

Петроградъ.

Типографія журн. „Спортъ и Фавориты“. Николаевская, № 66

1917.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Путешествіе наслѣдника вокругъ свѣта.—Причины поѣздки.—Составъ свиты.—Неумѣнье хорошо обставить поѣздку.—Какъ проводили время на кораблѣ.—Барятинскій и Ломенъ.—Вино, охоты.—Драки между князьями.—Паденіе Георгія.—Въ Японіи.—Безтакности.—Покушеніе на Николая.—Было ли сотрясеніе мозга?—Разроженіе черепной кости; его послѣдствія.

Первымъ крупнымъ событіемъ въ личной жизни Николая Александровича было его путешествіе вокругъ свѣта. Снарядить для такой цѣли наслѣдника престола значило, кромѣ его образованія, поддержать международныя связи Россіи, завязать новыя сношенія съ дальневосточными государствами, показать блескъ своего государства. Но едва ли задавались тогда этой цѣлью. Ко времени поѣздки Николая, дворъ его отца былъ уже совершенно очищенъ отъ просвѣщенныхъ современниковъ Александра II-го, и тамъ безраздѣльно властвовали частью простодушные люди, въ родѣ Черевина, дѣлившаго время между дворомъ и бутылками вина, или Рихтера, остзейскаго помѣщика и свитскаго генерала, частью подозрительные обдѣлыватели своихъ дѣлъ, какъ Гессе, дворцовый комендантъ Гатчины, и его близкіе. Даже врача хорошаго не было при царѣ, такъ какъ лейбъ-медикъ Гиршъ отличался завѣдомымъ невѣжествомъ въ своей области. Поэтому не къ кому было обратиться за совѣтомъ, какъ обставить поѣздку сына; о самой причинѣ ея говорили, что наслѣднику необходимо разсѣяться и забыть одну изъ привязанностей, ставившуюся опасной.

Великій князь отбылъ въ дальній путь, окруженный только своими товарищами по преображенскому

и гусарскому полкамъ. Единственнымъ сколько нибудь грамотнымъ человѣкомъ въ его свитѣ былъ князь Э. Ухтомскій, будущій исторіографъ этого путешествія, не бывшій, впрочемъ, ни ученымъ, ни писателемъ. Главнымъ распорядителемъ назначили стараго и полуслѣпago генерала кн. Барятинскаго, отличавшагося своею ограниченностью даже и въ невзыскательномъ гатчинскомъ кругу. Вѣроятно, благодаря этой именно чертѣ, уже съ самаго начала экспедиціи обнаружились тренія между морскими и свитскими офицерами, дошедшія потомъ до рѣзкаго конфликта между Барятинскимъ и командиромъ броненосца «Память Азова», на которомъ всѣ находились, адмираломъ Ломеномъ. Потомъ дѣло уладилось, и твердый адмиралъ отстоялъ свою независимость.

Одна за другой мелькали передъ равнодушными взорами высокихъ путешественниковъ европейскія и экзотическія страны. Красоты невиданной еще никѣмъ изъ нихъ природы смѣнялись другими.

Пересѣкали моря и океаны, въѣзжали вглубь чужихъ государствъ на слонахъ, верблюдахъ, въ экспрессахъ. Но все это было какъ бы движущейся декораціей въ балетѣ «Спящая красавица», съ той разницей, что здѣсь было не сонное, а пьяное царство. Вино лилось рѣкой ежедневно, и при самомъ умѣренномъ его употребленіи головы всегда должны были находиться во хмелю. Но умѣренности не наблюдалось, и князя Николай и Георгій, тоже отправленный въ теплые края, не отставали отъ другихъ. Очень быстро освоились съ этими наклонностями путешественниковъ и администраторы государствъ, принимавшихъ ихъ, — почему всякая надежда на образовательное значеніе поѣздки должна была отпасть. Мало того, даже увеселительная часть ея оказалась очень короткой. Полное бездѣлье и кутежи на кораблѣ, гдѣ женщины отсутствовали, привели, въ концѣ концовъ, къ вознѣ, борьбѣ, а тамъ и просто къ дракамъ; во время одной изъ полушуточныхъ, полусерьезныхъ схватокъ Георгій Александровичъ упалъ, какъ говорили съ лѣстницы, расшибъ себѣ грудь и такъ ускорилъ

процессъ уже бывший въ легкихъ, что его пришлось въ первомъ же порту посадить и отправить въ Россію, гдѣ онъ протянулъ еще нѣсколько лѣтъ въ одномъ изъ горныхъ курортовъ Кавказа, Абасъ-Туманъ.

Николай продолжалъ путешествіе, стрѣлялъ тигровъ и крокодиловъ, пользовался всѣми запретными удовольствіями въ полную свою волю и приближался къ Японіи, двойную и трагическую роль которой въ своей жизни не могъ, конечно, предвидѣть.

Частію благодаря безтактностямъ, отъ которыхъ никто не застрахованъ въ незнакомой средѣ, частію вслѣдствіе невѣжества, русскіе гости съ самаго начала раздражали японское простонародье посѣщеніемъ ихъ храмовъ, гдѣ не умѣли вести себя въ присутствіи изображеній Будды и другихъ мѣстныхъ боговъ. За фанатикомъ, взявшимъ на себя миссію отомстить за истукановъ, дѣло не стало, и Николай едва не погибъ отъ основательнаго удара японской сабли по своей легкомысленной головѣ. Второй ударъ отразилъ товарищъ по путешествію, греческій королевичъ Георгій.

Японца успѣли схватить, и вся компанія поспѣшила на «Память Азова» залѣчивать первую рану, нанесенную Японіей Россіи.

Опять же никто не могъ тогда предвидѣть послѣдствій этого печальнаго случая. Но съ одной стороны, у Николая долженъ былъ остаться въ душѣ горькій осадокъ, раздраженіе противъ страны, такъ оригинально проявившей свое гостепріимство; съ другой, — и это самое важное, — рана оказалась серьезнѣе, чѣмъ думали въ первый моментъ.

Хотя, повидимому, сотрясенія мозга и не послѣдовало, но въ черепной кости слегка надреснутой отъ удара, началось разроженіе костнаго вещества. Процессъ шелъ въ обѣ стороны, и теперь Николай всегда испытываетъ въ лѣвой половинѣ мозга давленіе, которое должно отражаться и на психическихъ функціяхъ. Продолжаясь годами, такой болевой эффектъ приводитъ къ основательному разстройству, или, во всякомъ случаѣ, измѣненію интеллекта и нарушаетъ психическое равновѣсіе. Въ странѣ, гдѣ

личная политика государя, не исключается. и гдѣ чиновничество умѣетъ использовать всякій дефектъ правителя, такое травматическое нарушеніе здоровья не могло остаться безъ послѣдствій и для самаго народа.

Въ Россіи приключеніе не произвело сильнаго впечатлѣнія. Народъ, понятно, оставался равнодушнѣе, помня, какія страданія ему приносило послѣднее царствованіе, помня, какъ оно ему приносило лишь голодъ, нищету, смерть, и всегда оставляя его безпомощнымъ въ трудные моменты исторіи, представляя выпутываться самому. Нужно сказать, что привязанность русскаго народа къ самодержцу вообще есть такой же мифъ, какъ и любовь его къ церкви. «До Бога высоко, до царя далеко», говоритъ русскій крестьянинъ, и покорно ложится подъ розгу или даетъ взятку какому нибудь начальнику.

Интеллигенція была недовольна поведеніемъ наслѣдника, предвидя новое ничтожное царствованіе. Въ придворныхъ сферахъ сплетничали и рассказывали небылицы, ожидая возвращенія путешественниковъ, чтобы установить истину. Царь долженъ былъ быть огорченъ искреннѣе всѣхъ, потому что, тяготясь своею ролью, онъ все же отдавалъ ей все разумнѣе. И, во всякомъ случаѣ, среди мелкихъ, корыстныхъ и безвольныхъ людей, составлявшихъ ряды разросшейся царской фамиліи, это была, кажется единственная, честная и знавшая, чего хочетъ, величина.

Николай ничего этого не унаслѣдовалъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Закладка сибирскаго пути.—Ген. Е. В. Богдановичъ.—
Значеніе дороги.—Хищенія.—Техническіе и стратегиче-
скіе дефекты.—Внутреннее разложеніе Россіи впервые
дѣлается очевиднымъ для желтой расы.—Возвращеніе
черезъ азіатскія владѣнія.—Ненаблюдательность.—По-
казная сторона.—Результатъ путешествія.

Ко времени вступленія Николая на русскую землю
на пути изъ Японіи подготовлено было своего рода
культурное торжество,—закладка великаго сибирскаго
пути. Онъ долженъ былъ принести на Дальній востокъ
видимые признаки той мощи Россіи, въ которую
вѣрили тамъ больше по наслышкѣ. Неизвѣстное всегда
пугаетъ, и самодержавной Руси было бы лучше по-
жалуй, обождать съ проявленіемъ своей дѣйстви-
тельной силы. Но вѣра въ себя была тогда у прави-
тельства велика, и сибирскій путь былъ не только
заложенъ, но и приведенъ. Многіе приписывали себѣ
иниціативу этой дороги, больше всѣхъ генераль Богда-
новичъ, котораго кстати сказать, Александръ III-ій
совершенно основательно презиралъ, называя не иначе,
какъ «болтуномъ» и отлично зная всѣ шашни гене-
рала, ловившаго рыбу въ мутной водѣ съ ловкостью
прирожденнаго хищника. На самомъ дѣлѣ дорога была
нужна всего больше тѣмъ казнокрадамъ, которые въ
Россіи не только слетаются на всякое государственное
предпріятіе, но и сами провоцируютъ крупныя рас-
ходы казны подъ предлогомъ государственной необхо-
димости. Надежды на транзитное и стратегическое
значеніе сибирскаго пути были только лишними по-
водами къ новой «панамѣ», изъ которой, не въ при-
мѣръ Франціи, всѣ вышли сухими.

Дѣло въ томъ, что благодаря медленности грузового движенія, обусловленнаго плохимъ устройствомъ пути, и высокому тарифу, грузы не только Европы, но и центральной Россіи могли смѣло идти на Востокъ моремъ, не боясь ничьей конкуренціи на сибирской линіи. Стратегическое же значеніе дороги, при одноколейности, необезпеченности отъ нападеній и разрушеній, при направленіи магистрали ея по чужой территоріи (Манджуріи), были скорѣй отрицательнаго свойства, указывая на Ахиллесову пятую русской военной организаціи. Да и вообще, это колоссальное предприятие, которое въ рукахъ культурнаго и правового государства могло имѣть рѣшающее значеніе, какъ факторъ обогащенія и вліянія, для Россіи оказалось поводомъ къ одному изъ тѣхъ краховъ, которые, точно толкаемые рокомъ, сами создаютъ себѣ абсолютныя монархіи.

На Востокѣ, гдѣ хорошо взвѣшивали всякій шагъ Россіи, и гдѣ только гипнозъ далекаго Петербурга поддерживалъ дотолѣ нашъ престижъ, не замедлили учестъ всѣ дефекты, техническіе, военные и административные, коими страдала постройка сибирскаго пути, и которые ярко свидѣтельствовали о слабости правительства, о разложеніи власти, о господствующемъ стремленіи къ расхищенію народныхъ средствъ. Но до поры, до времени иллюзіи сохранились, по крайней мѣрѣ, съ русской стороны. И наслѣдникъ Александра III-го продѣлалъ всю церемонію закладки, провезъ тачку песку, постучалъ лопатой и расписался, гдѣ нужно. За нимъ, съ видомъ чрезвычайной серьезности, повторили тѣ же манипуляціи господа изъ свиты, и Николай поѣхалъ черезъ Сибирь «на перекладныхъ», разсѣянно поглядывая на пустыню, гдѣ отдѣльными оазисами попадались человѣческія поселенія, и гдѣ все, что говорило о страданіи его будущихъ подданныхъ, или о неумѣньѣ администраціи, тщательно скрывалось за триумфальными арками и банальными рѣчами банкетовъ. Не было охоты наблюдать, что было бы нетрудно и при изворотливости окружающихъ, да и умѣнья не было. Тѣ стороны

жизни, что изощряют эту способность у всякаго живого существа, исключались изъ обихода русскихъ царей, а ихъ «очи», какъ любятъ величать разные чиновники, — всегда мигали, косили и закрывались, когда нужно было смотрѣть прямо и честно въ лицо суровой дѣйствительности.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Служба въ войскахъ.—Общій духъ гвардіи того времени.—Принцъ Ольденбургскій и его чудачества.—Извращенныя наклонности; ихъ распространеніе въ петербургскихъ общественныхъ кругахъ.—Удаленіе двадцати офицеровъ.—Будущіе архипастыри Гермогенъ и Серафимъ въ ихъ числѣ.—Гусары.—Ихъ командиръ Вел. Кн. Николай Николаевичъ.—Пьянство и развратъ.—Родство съ Гостиннымъ дворомъ.—Разсказъ о волкахъ.—На крышѣ.—Плохая компанія.—Отравленіе организма алкоголемъ.—Любовныя похождения.—Кшесинская.—Поляки не сумѣли использовать ея вліянія.—Преображенскій полкъ.—В. К. Сергѣй Александровичъ.—Привилегіи перваго батальона и ихъ результатъ.—Дурной тонъ полка.—Нейгартъ.—Рыцарскія чувства Николая.

Путешествіе не внесло въ жизнь Николая ничего новаго, и, вернувшись въ Петербургъ, онъ снова погрузился въ полковую жизнь, отрываясь только на короткіе часы лекцій или засѣданій совѣта по сооруженію сибирской дороги, предсѣдателемъ котораго былъ еще ранѣе назначенъ. По прежнему его окружали строевые офицеры, среди коихъ недавніе спутники также безслѣдно растворились, подѣляясь впечатлѣніями отъ гомерическихъ кутежей и праздно проведеннаго времени.

Рутина сказывалась во всемъ. Такъ, Александръ не любилъ военной службы, но ничего не предпринялъ, чтобы ослабить ея вліянія на сына. Обративъ личное вниманіе и усилія на подавленіе въ странѣ революціоннаго броженія, а попутно давая и всю жизнь, онъ не озаботился о хорошей подготовкѣ наслѣдника къ внутреннему управленію. Оставляя ему опредѣленное наслѣдство, онъ не научилъ пользоваться имъ, и немѣняемо Николай воспользовались, по его вступленіи на престолъ, всѣ, кому это нужно было.

Въ тѣ годы, когда наслѣдникъ маршировалъ передъ ротой и скакалъ передъ эскадрономъ, гвардія не отличалась по духу отъ общаго тона великосвѣтской жизни Петербурга. Офицеры гвардейскихъ полковъ были желанными гостями въ домахъ высокопоставленныхъ чиновниковъ и не жили тѣми узко-обособленными интересами, что свойственны армейскимъ частямъ, разбросаннымъ по русскимъ провинціямъ. Но такъ какъ жизнь высшаго круга была чрезвычайно пуста, ибо ему не на что было употреблять спокойный досугъ, обезпечиваемый реакціей, кромѣ какъ на развлеченія, то и занятія гвардейской молодежи сводились къ баламъ, любительскимъ спектаклямъ и дружескимъ возліяніямъ въ полковыхъ собраніяхъ. Интересы службы были ничтожны, тамъ все шло по условленному шаблону, и опытъ турецкой войны привелъ только къ перемѣнѣ солдатской формы на такую же непрактичную, дорогую и неудобную, но красивую.

На этомъ фонѣ ничего-недѣланія странно выдѣлилась безпокойная фигура принца А. П. Ольденбургскаго, командира гвардейскаго корпуса. Сознательно или безсознательно взявъ себѣ образецъ Павла I-го, онъ старался «подтягивать», какъ говорятъ военные, офицеровъ и поражалъ своими чудачествами бездѣльниковъ и сплетниковъ столицы. На ряду съ этимъ, принцъ удѣлялъ не мало времени и средствъ на созданіе такихъ, на примѣръ, учрежденій, какъ институтъ экспериментальной медицины, и лечилъ солдатъ отъ зубной боли какими то магнетическими кольцами, совмѣщая такимъ образомъ невѣжество съ инстинктивнымъ стремленіемъ къ научному прогрессу, якшанье съ шарлатанами съ дружбой съ великимъ Пастеромъ. Анекдоты объ Ольденбургскомъ были излюбленными темами разговоровъ, на всѣхъ парадахъ, смотрахъ и маневрахъ.

Была, однако, одна печальная сторона военного быта того вѣка, и нынѣ, впрочемъ, не исчезнувшая, которую ретивый принцъ тщетно старался искоренить. Это появленіе среди гвардейскаго офицерства привы-

чекъ, которыя внушаютъ отвращеніе европейцамъ и приводятъ иногда на скамью подсудимыхъ даже и такихъ вліятельныхъ лицъ, какъ скажемъ, гр. Эйленбургъ, другъ императора Вильгельма. Правда, въ этомъ отношеніи повинны были далеко не одни офицеры, которые только имѣли въ своемъ распоряженіи больше живого товара, въ лицѣ солдатъ и такъ называемыхъ «кантонистовъ», учениковъ полковыхъ школъ. Позорному пороку предавались и многіе позорные люди Петербурга, актеры, писатели, музыканты, великіе князья. Имена ихъ были у всѣхъ на устахъ, многіе афишировали свой образъ жизни. Скандалы, сопровождавшіе открытіе за кѣмъ нибудь такихъ похожденій, тянулись непрерывно, но до суда грязныя дѣла обычно не доходили. Въ этомъ отношеніи рѣшительности Вильгельма II-го, не пощадившаго и личнаго друга, Александру не хватало, и, терпя въ своей собственной фамиліи столь же порочныхъ членовъ, онъ ограничивался изрѣдка отставками отдѣльныхъ офицеровъ, дѣянія которыхъ получали уже слишкомъ широкую огласку.

Былъ, впрочемъ, одинъ случай и массового изгнанія. Двадцать гвардейскихъ офицеровъ были исключены безъ суда со службы за порочность, что не помѣшало имъ, конечно, сдѣлать потомъ болѣе или менѣе удачныя карьеры. Удивительнѣй то, что среди нихъ находились два русскихъ архіерея, Гермогенъ и Серафимъ, оба оказавшіеся настоящими устоями самодержавной власти, столь сурово съ ними самими поступившей.

Курьезно было и то, что порокомъ страдали не всѣ полки гвардіи. Въ то время, напримѣръ, когда преображенцы предавались ему, вмѣстѣ со своимъ командиромъ, чуть не поголовно, лейбъ-гусары отличались естественностью въ своихъ привязанностяхъ. За то пьянство гусаръ носило легендарный характеръ, а въ преображенскомъ полку царила относительная трезвость.

Обычай назначать командирами полковъ великихъ князей былъ дурной обычай. Они, если и не хотѣли,

развращали офицерство своимъ богатствомъ, привычками, предпочтеніемъ однихъ другимъ. Дружбы и расположенія лицъ, протекція которыхъ впослѣдствіи могла пригодиться, добивались всѣми способами, не включая и раздѣленія порочныхъ наклонностей. Въ еще большей степени, конечно, развращали цѣлыя управленія и вѣдомства стоявшіе во главѣ ихъ безответственные родственники царя, но объ этомъ намъ придется говорить далѣе.

Итакъ, одни пьянствовали, другіе развратничали, третьи совмѣщали и то и другое, а всѣ гообще бездѣльничали.

Среди выдающихся алкоголиковъ тогдашней гвардіи слѣдуетъ поставить и в. к. Николая Николаевича (младшаго), командира лейбъ-гусарскаго полка, гдѣ проходилъ свой кавалерійскій стажъ наслѣдникъ. Микроцефалъ по фигурѣ, охотникъ по влеченію, глупецъ и неисправимый алкоголикъ, великій князь Николай Николаевичъ проявлялъ не меньше постоянства въ своей привязанности къ одной царскосельской купчихѣ и даже просилъ у Александра III-го позволенія повѣнчаться съ ней. Царь, отличавшійся, какъ всѣ Романовы, наклонностью острить, сказалъ:

«Со многими дворами я въ родствѣ, но съ Гостинымъ еще не былъ, и не буду».

У купчихи дѣйствительно была мучная лавка въ Царскосельскомъ дворѣ.

Отказъ государя не огорчилъ лихого гусара, и онъ продолжалъ прежнюю жизнь, дѣля ее между своей купчихой, виномъ и полкомъ, который держалъ въ образцовомъ порядкѣ, щеголяя на смотрахъ новыми ментиками солдатъ, подборомъ лошадей и строевыми кунштюками. Главнымъ занятіемъ гусаръ оставалось все таки пьянство. Одинъ изъ нихъ, Ж-въ, рассказываетъ удивительныя вещи о службѣ того времени. Пили зачастую цѣлыми днями, допиваясь къ вечеру до галлюцинацій. Иныя изъ нихъ становились какъ бы привычными, такъ что и прислуга офицерскаго собранія (клуба) начинала приспосабливаться къ странному поведенію господъ. Такъ, нерѣдко великому

князю и раздѣлявшимъ съ нимъ компанію гусарамъ начинало казаться, что они не люди уже, а волки. Всѣ раздѣвались тогда до-нага и выбѣгали на улицу, въ ночные часы въ Царскомъ Селѣ обычно пустынную. Тамъ садились они на заднія ноги (переднія замѣнялись руками), подымали къ небу свои пьяныя головы и начинали громко выть. Старикъ буфетчикъ зналъ уже, что нужно дѣлать. Онъ выносилъ на крыльцо большую лохань, наливалъ ее водкой или шампанскимъ, и вся стая устремлялась на четверенькахъ къ тазу, лакала языками вино, визжала и кусалась. Сцены подобнаго рода становились тотчасъ же достояніемъ городской молвы,—въ маленькомъ гарнизонѣ ничего не скроешь, но никто не предавался напрасному негодованію, ибо нравы царскосельскаго общества немногимъ отличались отъ гусарскаго уровня. Случалось запьянѣвшаго командира снимать и съ крыши его собственнаго дома, тоже обязательно голымъ, гдѣ распѣвалъ серенады лунѣ или своей купчихѣ, быть можетъ, заливавшейся въ этотъ моментъ слезами. И т. д.

Въ такой-то оригинальной обстановкѣ протекали всѣ драгоцѣнные годы молодости наслѣдника, когда всякій, даже рядовой человѣкъ, спѣшитъ забирать изъ школы и жизни побольше знаній и опыта. Никто не вмѣшивался въ распорядокъ его занятій, никто, быть можетъ, не обращалъ на то вниманія, что организмъ Николая Александровича начиналъ уже отравляться алкогольнымъ ядомъ, что тонъ кожи лица желтѣлъ, глаза нехорошо блестѣли и подъ ними образовались уже припухлости, свойственныя привычнымъ алкоголикамъ.

Попутно съ этимъ шли обычныя въ этомъ кругу излишества въ другой сферѣ; но, унаслѣдовавъ отъ отца постоянство привязанностей, Николай довольно долгій періодъ своей молодости провелъ съ балериной Кшесинской, которая, сберегая себя для балета, сберегала будущей императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ и ея супруга, оправдавшаго себя значительнымъ числомъ произведеннаго имъ потомства.

Связь съ полькой, какой была Кшесинская, могла

быть опасной, если-бы въ танцовщицѣ билось сердце тѣхъ патріотокъ, что со времени раздѣловъ Польши искали роли Юдифи при намѣстникахъ, генераль-губернаторахъ и другихъ властителейъ присоединеннаго къ Россіи края. Но случилось такъ, что Кшесинская не смогла вдохнуть въ своего возлюбленнаго и простого расположенія къ родственной народности, и вся послѣдующая политика Николая въ Польшѣ была диктована тупымъ равнодушіемъ и желаніемъ угодить сосѣдямъ, а не заботой о культурнѣйшей части своей Имперіи.

Послѣ гусарскаго образа жизни наступилъ періодъ нѣкотораго затишья на службѣ въ преображенскомъ полку. Эта часть гвардіи, ведущая свою исторію отъ «Потѣшныхъ» солдатиковъ Петра Великаго, сыграла, особенно въ лицѣ перваго своего батальона, крупную роль въ исторіи русскихъ дворцовыхъ переворотовъ. Послѣднее время опять стали заводиться «потѣшные» полки въ народныхъ школахъ и отдѣльных полкахъ, т. к. Николаю внушили мысль о пользѣ такихъ военныхъ упражненій, якобы поддерживающихъ въ народѣ патріотизмъ. Но къ описываемой эпохѣ отъ былого значенія остались только небольшія привилегіи матерьяльнаго характера, которыми пользовались офицеры и солдаты перваго батальона, расположеннаго въ сообщавшихся съ Зимнимъ дворцомъ казармахъ. Однако и эти незначительныя отличія вносили свою долю разложенія въ полковую среду, создавая патриціевъ службы и ея плебеевъ. Здѣсь не было иныхъ обычаевъ гусаръ, основанныхъ на ложно понятіи чувствъ солидарности и выражавшихся, между прочимъ, въ обязательствѣ ставить свои бланки на всякомъ векселѣ товарища; но за то здѣсь не было никакого и другого суррогата товарищества, а всякій старался дѣлать свою карьеру, пользуясь связями и близостью къ командиру полка, в. к. Сергѣю Александровичу.

Этотъ сухой, непріятный человѣкъ, уже тогда вліявшій на молодого племянника, носилъ на своемъ лицѣ рѣзкіе знаки снѣдавшаго его порока, который

сдѣлалъ семейную жизнь жены его, Елисаветы Федоровны, невыносимой и привелъ ее, черезъ рядъ увлеченій, естественныхъ въ ея положеніи, къ монашеству.

Тонъ, задававшійся полку Сергѣемъ и офицерами перваго батальона, былъ дуренъ, полкъ не пользовался симпатіями ни въ гвардейскомъ корпусѣ, ни въ Петербургѣ. Позднѣе, въ годы революціи, привилегированное положеніе перваго батальона не помѣшало ему присоединиться къ общимъ безпорядкамъ, и привело къ отдачѣ подъ судъ всего его состава и ссылокъ въ Новгородскую губернію. Николай Александровичъ долженъ былъ покарать за нарушеніе дисциплины большую часть своихъ товарищей по батальону. Но это не помѣшало многимъ сдѣлать хорошія карьеры, и среди русскихъ губернаторовъ можно насчитать нѣсколько чловѣкъ изъ бывшихъ сослуживцевъ Николая.

Оригинальной и симпатичной чертой его характера, чертой, обнаружившейся именно во время службы въ преображенскомъ полку, было поощреніе браковъ офицеровъ на женщинахъ, ранѣе скомпрометированныхъ. Заботы объ ихъ карьерѣ,—такъ какъ полковое общество исключало ихъ изъ своей среды,—Николай бралъ на себя. Дальше другихъ пошелъ Нейдгардтъ, въ свое время отличившійся въ Одессѣ, какъ провокаторъ еврейскаго погрома. Отданный подъ судъ ревизоромъ-сенаторомъ Кузьминскимъ, онъ былъ оправданъ сенатомъ, въ то время открыто принесшимъ юстицію въ жертву политикѣ. Позднѣе, уже самъ въ качествѣ сенатора, Нейдгардтъ ревизовалъ интенданство въ Царствѣ Польскомъ. Были и другіе, подобные же случаи покровительства Николая офицерамъ, дѣлавшимъ, съ точки зрѣнія общества *mesaillances*’ы, и это обѣщало въ самомъ наслѣдникѣ развиваться чертамъ добраго семьянина и отца, что вскорѣ и оправдалось.

Такъ проходили годы, гдѣ, подъ кровомъ реакціонной тишины, зрѣли, съ одной стороны, новыя общественныя настроенія, съ другой—перемѣны чисто внѣшнія. Александръ обреченъ былъ скорой смерти,

Николай—бурному царствованію. Но никто не готовился къ этой смѣнѣ правителей, такъ долго и искусно скрывалъ царь точившую его болѣзнь, и такъ былъ безпеченъ наслѣдникъ, продолжавшій маршировать и скакать, вмѣсто того, чтобы углубляться въ сложныя проблемы внутренней и внѣшней политики. За него должны были дѣлать это чиновники, но вѣдь и они привыкли къ беззвучной смѣнѣ дней государственной жизни. Въ свое время она и застала врасплохъ обѣ стороны, и молодого царя, и правительство.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Болѣзни Александра III-го—Захарьинъ.—Иванъ Кронштадтскій. Ливадія.—Кухарка. — Агонія. — Подписаніе манифеста о восшествіи на престолъ при жизни императора. — Отказъ отъ престола и женитьба. Смерть Александра.—Итоги его царствованія.

Скромный въ своихъ привычкахъ, конфузливый въ бесѣдѣ съ посторонними, ласковый съ дѣтьми и очень простой въ обращеніи съ такими близкими людьми, какимъ былъ Mr Heath,—Александръ принадлежалъ къ числу тѣхъ, кто не любитъ думать о своемъ здоровьѣ, скрывая по возможности всякое недомоганіе. Благодаря этому, нефритъ почекъ могъ развиваться довольно долго, прежде чѣмъ худоба обычно тучнаго царя сдѣлалась замѣтной и вызвала заботу и тревогу окружающихъ. Такимъ образомъ, знаменитому московскому діагносту, профессору Захарьину, оставалось только, послѣ того, какъ его впервые позвали къ больному, опредѣлить безнадежность положенія и указать приблизительный срокъ, отдѣлявшій Александра отъ гроба.

Этотъ періодъ царь провелъ на ногахъ, не нарушая порядка своихъ занятій, выѣзжая даже на парадахъ верхомъ на небольшой, но крѣпкой и покойной лошади. Вскорѣ, однако, пришлось увезти его на югъ, и вся семья поселилась въ Крыму, въ Ливадіи. Отсюда императору уже не суждено было выѣхать, и такъ какъ нефритъ равнодушенъ къ солнцу, озону и къ чему бы то ни было, то силы царя замѣтно убывали. Въ такомъ положеніи онъ впервые позволилъ себѣ сказать, что дворцовая кухня никогда ему не нравилась, и просилъ, чтобы ему готовила обѣдъ простая кухарка. И послѣдніе дни

жизни русскаго самодержца были облегчены не сознаниємъ исполненнаго по отношенію къ народу долга, не спокойствіемъ за судьбу своего наслѣдника, а нехитрыми русскими блюдами, сдѣланными руками бабы, быть можетъ, помнившей еще времена рабства.

Длительная агонія должна была разбить нервы всѣхъ окружающихъ царя. Да и въ обществѣ и народѣ тяжелая болѣзнь еще нестараго Александра возбуждала сожалѣнія чисто гуманнаго характера. Къ тому же необычайно было для русскихъ терять монарха въ такой патріархальной обстановкѣ. Они привыкли къ насильственнымъ смертямъ царей, къ дворцовымъ переворотамъ, къ таинственности, всегда окружавшей послѣднія минуты самодержцевъ. Все это вносило нѣкоторую элегичность въ сужденія и настроенія подданныхъ, и даже явленія революціоннаго характера какъ то сами собою прекратились на время царской агоніи.

Во дворцѣ должны были происходить тягостныя сцены. Возлѣ умиравшаго продолжали бороться разныя вліянія, въ томъ числѣ и религіозныя. Придворный духовникъ, Янышевъ, ненавидѣлъ и боялся извѣстнаго Ивана Кронштадтскаго, и оба отбивали другъ у друга честь напутствовать Александра въ лучшій міръ. Одинъ утѣшалъ тихими рѣчами на божественныя темы и пользовался своими придворными навыками. Другой старался поразить изступленными выкриками, возложеніемъ рукъ на голову больного, пріемами ловкаго шамана. Въ концѣ концовъ вліяніе Ивана какъ бы возобладало, и послѣ смерти царя между обоими попами возникла недостойная ихъ сановъ, но характерная полемика въ печати, гдѣ они отбивали одинъ у другого роль, быть можетъ, казавшуюся имъ очень важной.

Наряду съ молитвословіями шли и драматическіе разговоры съ сыновьями. Утверждали, что Николай одно время упорно отказывался отъ престола, какъ бы провидя его терніи. Но такъ какъ Георгій присутствовалъ при отцовской агоніи самъ уже умирающимъ, а Миша былъ малъ, и регенство Владимира не

улыбалось отходившему въ вѣчность царю, то Николаю пришлось не только согласиться, но и подписать при жизни отца манифестъ о своемъ вступленіи на престолъ. Какого ни быть мнѣнія объ институтѣ монархической власти или семьѣ тогдашняго царя, трагизмъ этой сцены понятенъ и долженъ былъ потрясти всѣхъ ея свидѣтелей, а особливо воображеніе Николая. Словно нарочно, жизнь дарила его ударами, которые должны были такъ или иначе отразиться и на будущемъ управленіи имперіей.

20-го октября 1894 г. Александръ умеръ, сидя въ креслѣ и въ полномъ сознаніи. Тринадцатилѣтнее его царствованіе навсегда останется связаннымъ съ представленіемъ объ одномъ изъ самыхъ реакціонныхъ періодовъ русской исторіи. Но такъ какъ, съ одной стороны, періодъ этотъ совпалъ съ начинавшимся расцвѣтомъ имперіализма во всѣхъ почти государствахъ Европы, за которыми, въ началѣ XX-го вѣка, послѣдовала даже и великая сѣверо-американская республика, а съ другой,—какъ мы указывали,—онъ опирался на сочувствіе нѣкоторыхъ круговъ населенія, раздраженнаго убійствомъ Александра II-го, то оцѣнить въ полной мѣрѣ его реакціонность современники едва ли могли.

Правда, во главѣ правительства стояли такіе ярые реакціонеры, какъ гр. Д. А. Толстой, успѣвшій наложить свою руку на три огромныхъ и важнѣйшихъ вѣдомства: духовное, народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ; какъ П. Ванновскій, обратившій военное министерство въ сухую канцелярію, а самую службу въ постылое ремесло; какъ И. Дурново, стремившійся во всемъ подражать своему предшественнику Толстому и подарившій Россію институтомъ земскихъ начальниковъ и земскимъ положеніемъ 1890 г., которое ввело въ органы самоуправленія аграрное большинство.

Да и вообще вся дѣятельность правительства Александра III-го, поскольку была активна, носила разрушительный характеръ. И, если нельзя было воспретить восхваленія царствованія Александра II

въ печати и рѣчахъ, то они во всякомъ случаѣ считались признаками недопустимаго либерализма.

Такимъ образомъ, всѣ отрасли внутренней жизни подверглись измѣненію въ сторону регресса; школа, печать, армія, чиновничество,—все должно было или служить цѣлямъ реакціи, или молчать, какъ бы не существовать. Административный гнетъ, подъ вліяніемъ такихъ опытныхъ людей, какъ Плеве, звѣзда котораго тогда восходила, или П. Дурново, принималъ планомѣрность, ранѣе ему несвойственную

Что сѣмена реакціи, обильно разсѣявшіяся по всей странѣ, должны были дать революціонный урожай, объ этомъ не задумывались, и отецъ ея, гр. Д. Толстой, на такое именно замѣчаніе отвѣтилъ съ цинизмомъ, столь характернымъ для абсолютизма: «Знаю. Да лишь бы на нашъ вѣкъ хватило».

Расчетъ министра оправдался, реакціи хватило почти на четверть вѣка. Но, такъ какъ, благодаря ряду ловкихъ финансистовъ, а особенно Вышнеградскому и Витте, ресурсы государства, послѣ войны 77—8 г.г. бывшіе въ самомъ плачевномъ состояніи, не только оправились, а стали просто хороши, то престижъ Россіи за границей неминуемо долженъ былъ возрасти. Это обстоятельство упрочивало внѣшнее спокойствіе, позволяло не увеличивать кредитовъ на вооруженіе и заняться внутренними реформами. Благопріятная конъюнктура не была, однако, использована. Армія почилла на лаврахъ, ослабѣла и постепенно погружалась въ гарнизонную дремоту, изъ которой ее вывели только японскія пушки. Реакціонныя реформы не могли не привиться въ оправившемся, а отчасти и забывшемъ эпоху Александра II обществѣ. Иностранные капиталы, искусно привлеченные С. Витте, пошли въ грюндерскія предпріятія, а не на подъемъ производительныхъ силъ. Новая желѣзныя дороги строились или безъ расчета, или изъ стратегическихъ видовъ и глохли, давая ужасающіе дефициты. Словомъ, повсюду заводилась своего рода государственная паутина, такъ что ко дню вступленія на престолъ Николая Россія представлялась настоя-

щимъ заколдованнымъ и запустѣвшимъ царствомъ. Новому правителю предстояла завидная задача входить въ него новую жизнь. Но уже изъ краткаго обзорѣнія условій дѣтства и юности этого человѣка мы выходимъ подготовленными къ тѣмъ его поступкамъ, которые тогда, въ 1894 г., многимъ казались неожиданными, которые, однако, дословно быстро должны были привести страну къ революціи.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Похороны Александра III-го. — Безпорядочность процессіи. — Бѣлый и черный рыцари. — Неорганизованность либеральныхъ круговъ.

Впервые послѣ смерти императора Александра I-го царское тѣло должно было пропутешествовать въ траурномъ вагонѣ черезъ всю Россію. Это затягивало похороны, удлиняло періодъ обычной въ такихъ случаяхъ заминки всѣхъ государственныхъ отправленій, но за то позволяло придать церемоніи особенно торжественный характеръ, муссируя выраженія народной печали.

Въ скверную, чисто петербургскую погоду, по улицамъ, заполненнымъ войсками, за которыми толпился народъ, гробъ Александра III-го былъ перевезенъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ мертвые цари раздѣляютъ общество съ живыми революціонерами.

Сложный ритуальъ перевезенія не былъ выполненъ съ достаточной отчетливостью. Явная безпорядочность процессіи поразила тогда всѣхъ ея свидѣтелей. Никто не зналъ своихъ мѣстъ. Депутаціи перепутались, подъ конецъ разбрелись кто-куда. Въ группахъ духо-

венства, придворныхъ лакеевъ, чиновниковъ, генераловъ, всюду слышались громкіе разговоры; перекидывались поклонами и замѣчаніями со знакомыми, занимавшими балконы и окна, весело смѣялись чѣмъ-нибудь шуткамъ. Николай понуро брелъ за пышной колесницей, не глядя по сторонамъ, и производилъ впечатлѣніе самага незамѣтнаго изъ всей толпы царедворцевъ и великихъ князей человѣка. Далеко впереди гроба мѣсили осеннюю грязь два мясника, одѣтые одинъ въ бѣлыя, другой въ черныя рыцарскія латы, символизировавшія печаль о смерти царя и радость о новомъ. Но такъ какъ никто не присматривалъ за этими господами, то они окончили тѣмъ, что мирно потащились рядомъ, символизируя весьма наглядно тотъ хаосъ, который долженъ былъ водвориться въ управленіи.

На бѣду, смѣна царей заставляла общество совершенно неорганизованнымъ, а потому и неспособнымъ выступить въ качествѣ активнаго элемента жизни. Эта роль оставалась, по старому, за чиновничествомъ, а либеральные круги были раздроблены и не имѣли между собой живой связи. Въ каждомъ классѣ и сословіи можно было насчитать не мало видныхъ дѣятелей, возлѣ которыхъ могла бы объединиться прогрессивная часть населенія. Но они такъ привыкли за царствованіе Александра къ одиночеству, такъ оберегали личный покой, что нельзя было ожидать ихъ выступленія. Эту обязанность могли принять на себя органы самоуправленія и, дѣйствительно, на пріемъ въ Зимнемъ Дворцѣ, одно изъ земствъ и отличилось въ этомъ отношеніи. Но начинъ оказался во всѣхъ смыслахъ неудачнымъ.

Что касается до революціонныхъ партій, то партія «Народной Воли», въ лицѣ ея активныхъ героевъ, была почти разгромлена, а избѣгнувшіе висѣлицы и подземныхъ казематовъ Шлиссельбурга частью вели теоретическую борьбу съ нарождавшимися тогда новыми революціонными партіями, частью же подготавливали отдѣльные террористическіе акты, сами уже основательно развѣдаемые провокаціей и шпіонажемъ.

Такимъ образомъ, въ трудную минуту вступленія на престолъ, молодой царь оставался снова въ томъ же кругу сверстниковъ офицеровъ, въ большинствѣ получившихъ флигель-адъютантское званіе, и заскорузлыхъ бюрократовъ. Побѣдоносцевъ снова готовился стать между всякой попыткой воздѣйствовать на Николая со стороны прогрессистовъ и тѣмъ принципомъ самодержавія, въ который онъ привыкъ вкладывать совершенно ясное содержаніе, противопоставляя его учрежденіямъ «гнилого Запада».

Содержаніе слѣдующаго выпуска № 3.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Бракъ съ Алисой Гессенской.—Шутки по ея адресу.—Впечатлѣніе перваго ея пріѣзда.—Бѣдность.—Свадьба.—Надежды на новое царствованіе.—Чиновничій абсолютизмъ не умираетъ.—Безсиліе царей.—Организованность бюрократіи.—Перестроеніе рядовъ камарилы.—Старые генераль-адъютанты понемногу отстраняются.—Свита при трехъ послѣднихъ императорахъ.—Ея деградация, умственная и моральная.—Личныя симпатіи Николая.—Дурное общество замыкаетъ его отъ жизни.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Пріемъ депутацій.—Тверскіе земцы. Роль Твери въ исторіи освободительнаго движенія.—Скандалъ съ Тверскимъ блюдомъ.—Рѣчь изъ шапки.—Безмысленныя мечтанія.—Общія впечатлѣнія въ обществѣ и народѣ.—Роль Побѣдоносцева.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Министры и приближенные.—Горемыкинъ, И. Дурново, Куропаткинъ, Ванновскій, Побѣдоносцевъ.—Его роль въ синодѣ.—Случай съ митрополитомъ Іоанникиемъ.—Витте. Ермоловъ.—Гр. Муравьевъ, Боголюбовъ, Т. И. Филипповъ.—Фонъ-Валь, Клейгельсъ.—Украденный парохоть.

Н. В. Муравьевъ. Генералы свиты и гвардіи.

НИКОЛАЙ II

ПОСЛѢДНІЙ САМОДЕРЖЕЦЪ.

ОЧЕРКИ ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНІЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ТРУДЪ, ИЗДАННЫИ ЗАГРАНИЦЕЙ,
обнимающій царствованіе НИКОЛАЯ II,
будетъ выходить отдѣльными выпусками два раза въ недѣлю.

 Продается въ книжныхъ магазинахъ Т-ва И. Д. Сытина (Невскій просп., домъ 68) и бывш. Попова (М. А. Яснаго) Невскій просп., 66. У газетчиковъ, на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, въ типографіи на Николаевской ул., д. 66.

Цѣна каждаго выпуска 50 коп.

Подписная цѣна на всѣ выпуски (40—50) съ доставкой 20 р.

Подписка принимается: Николаевская улица, д. № 66 въ типографіи М. К. Брейтмана. Тел. 198-22; 563-05.

Въ книжномъ магазинѣ Т-ва И. Д. Сытина
(Невскій просп., д. 68—40) Тел. 97-28.
Бывш. Попова (М. А. Яснаго) Невскій просп., д. 66.
Телефонъ № 85-27.

Также поступаетъ въ продажу въ другихъ магазинахъ.

